

— Сочувствую твоему облому, Гарри, — говорю, мысленно проклиная себя за забывчивость о его уходе с двойных зелий для участия в интервью с Ритой Скитер и затем в церемонии оценки палочек. Помни я об этой подробности, и нам удалось бы избежать столкновения около кабинета зельеварения. Уж как-нибудь сумел бы предостеречь его от разговора с жучарой.

— Ты не мог знать, — отмахивается он, но видно, что ещё не отошёл от разговора с Ритой.

— Ты не говорил мне, что ты магглорожденный, — опять шепчет мне Гермиона за ужином.

— Должен же был я поддерживать свою легенду, — скалюсь ей опять. — Никто не захочет связываться с Тёмным Лордом Сидиусом, — издаю свою лучшую имитацию дыхания Дарта Вейдера, потом протягиваю к ней руку ладонью вниз. — Я нахожу возмутительным отсутствие веры в вас... ой!

— Даже не пытайся придушить меня Силой! — яростно шепчет Гермиона, пока я потираю кисть и смеюсь.

— Я не собирался... — мозги отключаются, как перегоревшая лампочка. — Гав-гав, можно мне кого-то ещё придушить Силой, Гермиона? Это будет дико улётно!

— Нет, Уильям!

— Повинуюсь, Тёмная Леди, — повесив голову, надуваю губы.

— Надо бы тебя самого придушить Силой.

— Коль на то будет воля твоя, госпожа. — Гермиона фыркает от негодования, но решает игнорировать мои неостановимые остроты.

— Итак, вернёмся к тому, что ты магглорожденный. У тебя было так же, как у меня, когда ты пошёл в школу? А что насчёт магического правительства — оно такое же косное, как и у нас здесь? Как ты реагировал на домашних эльфов и других существ?

— Гермиона, Гермиона, успокойся, — тормозит поток её словоизлияний Гарри, слегка похлопывая её по спине. — Не допекай человека.

Надо постараться ответить наилучшим образом, не входя в противоречие с уже существующей моей историей, поэтому я постоянно запинаясь и пожимаю плечами.

— В школе я видел гранианов наподобие крылатых коней Шармбатона... — я замираю, когда между головами Гарри и Гермионы опять ловлю остановившийся на мне ледяной голубоглазый взгляд. — Гермиона, что ты мне можешь рассказать про привлекательную слизеринку с нашего

курса с длинными чёрными волосами и голубыми глазами?

— Ты конечно же не про Панси, — отшатывается Гермиона.

— Нет, я же сказал — привлекательная, — останавливаю её. Как это ни удивительно, но на Панси вполне можно посмотреть, только вот говорить об этом Гермионе я не собираюсь. — Она стояла позади Панси около кабинета зельеварения.

— Должно быть ты о Дафне Гринграсс, — после мгновения задумчивости светлеет лицом Гермиона. Так-так, может личность соответствует популярному в фанфиках персонажу? — Кажется, она первая среди слизеринцев по успеваемости. Примерно четвёртая-пятая на курсе. Но она молчунья, я ни одного слова от неё не слышала и сама с ней ни разу не разговаривала. Удивлена, что ты её заметил. Хотя, в библиотеку она ходит регулярно.

— Хм, интересненько, — говорю, поглаживая свою несуществующую козлиную бородку. Вот, я почти забыл, что мне в этом возрасте не надо бриться.

— Почему?

— Она на меня странно смотрела перед уроком зельеварения. А пока слизеринцы заходили, я заметил, что у неё нет значка Драко. Кажется с тех пор она взглядами старается привлечь моё внимание.

— Тогда тебе стоит с ней поговорить, — голос у Гермионы непривычно напряжённый. Я возвращаю свой взгляд на неё, вот только она отворачивает слегка покрасневшее лицо.

— Не сейчас. Стол забит ещё и дурмштранговцами, на глазах у её окружения я ничего сделать сам не могу — ни подсесть, ни поговорить, ни записку передать. И она не будет ничего делать.

— Почему ты хочешь разговаривать со слизеринкой? — Гарри сбит с толку нашим диалогом.

— нарекаю это операцией “Добьюсь Расположения Слизерина, чтобы Гарри Не Пришлось Драться с Всеми Ними Впоследствии”.

— Сократи кодовое имя для операции, чтобы не произносить цель и описание каждый раз, — вносит предложение Гермиона, привычно закатив глаза.

— Хм, — продолжаю я поглаживать подбородок, — разумно. Тогда назову её операция “Змеечарователь”.

— Пошлятина какая-то на слух, — строит моську Гермиона.

— Это потому, что ты позволила своему разуму скатиться к мыслям дна общества. Как насчёт операции “Исправление рептилии”?

— Это... — она поднимает бровь. — Как ни странно, хорошая идея — стимуляция межфакультетских отношений и всё такое. Думаю Дамблдор и профессора одобрили бы. — Тут она бросает взгляд на край преподавательского стола, где сидит Снейп. — Или большинство из них, по крайней мере.

— И не беспокойся насчёт мисс Гринграсс, Гермиона. Я всегда буду любить тебя и Гарри наибольшейшим макарон.

— Знаешь, вправду неестественно, когда ты вот так говоришь, — замечает Гарри.

— Ну вот, что такого? Я зверски честен и открыт в своих чувствах. Это дар правды.

— В-общем, люди вокруг не разбрасываются словом на букву “Л”, — сдержанно говорит Гермиона. — Особенно о — как ты назвал? — платонических отношениях.

— Там, откуда я, тоже не очень говорят. Побесить вас слегка хотел. А когда дело коснётся романтических отношений, то совершенно неважно сколько раз ты произнесёшь это слово. Когда ты чувствуешь его, оно бьёт тебя в грудь, не даёт дышать, кружит голову и сбивает с толку...

Какой мне смысл бесполезно взывать к равнодушному небу?

— Откуда ты это знаешь? — детским голоском спрашивает Гермиона.

— Мне кто-то рассказал разочек. А ещё сказал, что это единственная обязанность перед самим собой — признаться в любви. Даже если нет уверенности в чувствах другого человека. Тогда не будет всю жизнь грызть тоска по упущенному счастью, — это почти не ложь, поэтому, наверное, Гермиона не выводит меня на чистую воду. — Касательно операции. К слизеринке нужен слизеринистый подход. — Гермиона, у тебя есть рядом пара кусков пергамента и перо?

Она сразу достаёт искомое из сумки и молча подаёт мне. На одном листе пишу:

“Прогуляемся? Лернер”.

Передаю Гермионе пустой лист и прошу передать его Дафне. Она стучит по плечу кого-то из Хаффлпафа, личность пожимает плечами и передаёт лист через стол. И так далее, пока не достигает намеченной цели. Дафна переворачивает лист и смотрит на меня прищурясь. Маленькую порцию магии спустя я киваю ей.

— Мастерское заклинание обмена, Уильям, — неохотно признаёт Гермиона.

— Да уж легче, чем заговорить оба листа.

Слизеринка сначала не замечает срабатывания, поэтому я барабаню пальцами по листу другой рукой и ещё раз киваю. Её голова слегка отшатывается назад от неожиданности, когда она бросает взгляд вниз. После она к кому-то поворачивается, машет рукой в моём направлении, достаёт перо и царапает короткий ответ. Лёгкий взмах палочкой, и послание с ответом возвращается ко мне. Под моими каракулями безукоризненно изящным почерком, невзирая на её явную торопливость, начертано такое же краткое послание:

“Спроси меня завтра. — Г”.

Улыбаюсь, но видя тревожно ёрзающую Гермиону, протягиваю ей записку.

— Операция “Исправлении рептилии” начинается.

— Знаешь, а “Змеечарователь” лучше на мой вкус, — говорит Гарри.

— Заткнись, Гарри, — сварливо командует Гермиона.

* * *

На следующий день за завтраком Дафна даже не пытается поймать мой взгляд. Меня это задевает, и, раздосадованный сам на себя, я решаю её игнорировать. Собираюсь встретиться с Вектором и Баббллинг насчёт запланированных мной рунных барьеров, но тут вдруг ахает Гермиона, а от других столов начинаются шепотки и взгляды в нашу сторону.

— Что случилось, Гермиона?

— Это! — выставляет она перед Гарри субботнее издание Ежедневного Пророка и тыкает пальцем в него. — Вот это вот случилось!

После минуты чтения Гарри краснеет.

— Я тебе говорил, что эта чёртова Скитер писала гораздо больше, чем я говорил, — он издаёт горловое рычание, а потом передаёт газету мне.

Точно, поспела первая из статей Пророка, выставленная Гарри в не слишком приглядном виде. Я аккуратно складываю газету и кладу её на место перед Гермионой.

— Ладно, в конце концов она не полностью выдумана.

— О чём ты говоришь? — скептически спрашивает Гарри. — У неё я выгляжу как... как...

— Да, есть такое, — говорю разводя руками в умиротворяющем жесте. — Но часть про Гермиону весьма точна. — Улыбаясь, наклоняюсь вперёд, чтобы прошептать остаток. — Она — потрясающе симпатичная магглорожденная, одна из лучших в учёбе. И вы с ней любите друг друга.

— Знаешь, — не отрывает взгляд от стола покрасневшая как свёкла Гермиона, — если бы это сказал не ты, то я бы посчитала всё дразнилкой и заколдовала бы тебя.

— Видишь? Хорошо, что я разбрасывался словом на “Л”. Вот и статья теперь не выглядит такой уж плохой. Была б возможность, то в роли первообъявителя миру о твоём очаровании, я б обскакал Пророк на лихом коне.

— Ты когда-нибудь остановишься? — умоляет Гермиона. — Мы и так в диком смущении, а тут ещё куча народу нас разглядывает, как зверей в клетке.

— Давай на пробежку, а потом к Хагриду, — быстро предлагает Гарри, и вместе с Гермионой они почти выпрыгивают из-за стола.

Встаёт Невилл, подчёркнуто смотрит на Луну, и эти двое также уходят.

Вздыхаю и встаю идти за ними для моральной поддержки, отложив планы начать рождественский подарок для Гарри.

— Собачке пришили пятую лапку, верно? — спрашивает один из близнецов с широким дружеским оскалом до того, как я успеваю их миновать.

— Ага, вряд ли они оценят, если ты наткнёшься на их утренний обжимательный сеанс, — добавляет другой.

Пошутить что ли на предмет а-труа? Подслушают же, вон сколько локаторов нацелилось. Тогда меня ждёт смерть от руки Гермионы.

— Я теперь сторожем при них работаю, чтобы они не нарвались сейчас, когда секрет открыт, — говорю иное. Втроем мы ржём.

— Подходящий розыгрыш устроил Пророк, — громко заявляет один.

— Не дотягивает до наших стандартов тонкости, конечно.

— Но сыграно хорошо, с претензией на правду, хоть на самом деле такая ерунда.

— Я передам ваши поздравления, — машу им на прощанье. Говорили они обычным голосом Уизли, поэтому наверняка заметная часть народу всё слышала.

* * *

Мы обедаем у Хагрида и остаёмся до вечера, избегая насмешек. Я принёс завершённые рамки для фото и показываю их Хагриду, отвернувшись от Гарри с Гермионой. Утихомириваю её улыбкой через плечо, но всё равно слышу, как она ёрзает, сопротивляясь желанию подсмотреть.

— Да, прекрасная детализовка, — довольно говорит Хагрид, оглаживая своим огромным пальцем ровный круг в левом верхнем углу с чёткой руной мира на нём.

— Спасибо за всё, Хагрид, — искренне благодарю его. — Может тебе сейчас нужны инструменты? — Вытащив рулончик ткани с завернутыми в него резцами, я с сожалением смотрю на них. Неохота отдавать, поскольку они мне ещё понадобятся. Но я ведь наверняка смогу их позаимствовать ещё раз, когда у Хагрида закончится в них нужда..

— Нет-нет, ничего не надо. Пусть они останутся у тебя. Отец у меня хотел бы, чтобы они оказались в руках того, кто может делать такие вот вещи. Для меня они слишком малы. — Он вытирает слёзы из глаз, и мне приходится отвернуться. Хагрид склонен поплакать, а мне просто не по себе видеть взрослого мужчину плачущим. — Знай, что я по-настоящему горжусь тобой.

Он очень удачно похлопывает меня по спине и вышибает ком у меня из горла.

— Спасибо тебе, — тихо благодарю и запаковываю свои подарки и теперь уже мои инструменты для резьбы.

Гарри прокашливается.

— Нам, наверное, лучше появиться на ужине. Подозреваю, что толпа жаждет заполучить назад свои мишени для насмешек и веселья.

Гермиона сползает в кресле и съёживается, а я решаю её подбодрить.

— Я уже говорил, что близнецы могли и переубедить народ, по крайней мере насчёт тебя. Так что может всё, как обычно, свалится только на Гарри.

— Мне от этого не легче, Уильям.

— Может от этого Гарри поспокойней себя будет ощущать? — пожимаю я плечами.

Предположение весьма спорное, как мы скоро поняли.

* * *

— Ладно, фиг с ними, надоели, — говорю, выделяя дольку магии.

— Эй, Грейнджер, ты у... — голос тонет в белом шуме, похожем на жужжащее гудение, когда радиоприёмником попадаешь на частоту между станциями.

У Гарри с Гермионой пропадает румянец, и они растерянно смотрят на меня.

— Что это за гул? — спрашивает Гарри.

— Что это за заклинание? — одновременно с ним спрашивает Гермиона.

— Словесная формула — “муффлиато”, — отвечаю я. — Жаль, но я не знаю движения палочкой. Но, возможно, его нет, или же оно очень простое.

— Вот это да. Снаружи кто-нибудь может нас слышать? — спрашивает Гермиона.

— Не думаю.

— Не слишком обнадеживающе, — подняв бровь, тихо говорит Гермиона. Смотрю вокруг, вижу

Джинни Уизли рядом с Роном и громко провозглашают:

— Я слышал, что Джинни Уизли пообжималась с половиной гриффиндорских парней.

— Хамишь, Уильям, — с трудом вдохнув, говорит Гермиона.

— Похоже, что работает, — замечает Гарри. — Рон не пытается никого убить.

— Откуда ты это заклинание знаешь? — с подозрением глядит Гермиона.

— Как ни удивительно, его изобрёл Снейп, — улыбаюсь во все зубы. — Ещё учась в Хогвартсе.

— Правда? — удивляется Гарри.

— О да, пусть его главная заявка на славу в таланте к зельям, но он ещё создал это заклинание вместе с очень тёмным режущим проклятьем, не поддающимся магическому исцелению. Невозможно зарастить или вырастить заново отрезанное им. — Оба смотрят на меня в потрясении. — Но сам Снейп вроде бы знает метод лечения. И не смотрите на меня удавами. Сомневаюсь, что смогу его наколдовать. Насколько я знаю, надо только произнести словесную формулу, а потом нанести палочкой удар, как будто она — гигантский меч.

— Мне дурно становится, — полным ужаса голосом говорит Гермиона. — Как ему вообще позволено было учить детей?

Гарри молчит, но тоже выглядит неважно.

— Может не будем поощрять всяких тут глумящихся над нами своим видом и перестанем обсуждать всяких нехороших людей? А то окружающие могут посчитать наш вид своим успехом, — обращаю их внимание. — Можно ещё окунуться в Ничто.

— Хорошая мысль, — Гермиона встряхивает головой для очистки от тёмных мыслей и закрывает глаза.

Через полминуты во взгляде Гарри появляется осмысленность, и он откашливается.

— Так что ты там делаешь для Гермионы на рождество? — его слова сразу же рассеивают всю медитативную сосредоточенность упомянутой любопытствующей персоны.

— Ну, ребята, вы знаете, что я делаю резьбу по дереву, поэтому это вряд ли сюрприз, — оглаживаю подбородок и смотрю вверх, как будто глубоко размышляю. — Олл райт. Не говори ей, но это... — я нагибаюсь и прикрываю рот ладонью от её взгляда. Но шепчу достаточно

громко для её ушей: — ...секрет.

— Гад! — выпрямляется назад Гермиона с надутыми губками.

— Я не могу сказать Гарри, потому что ты тут же используешь женские уловки, чтобы выудить правду из него.

— Мои что? — у нашей подруги глаза выскакивают из орбит.

— Ты знаешь — щенячьи глазки соорудить, ресничками похлопать, губки бантиком надуть, на что-то такое намекнуть. Ну, в-общем, ваши обычные трюки.

— Я не использую намёки на всякое, — сопит она. — Это ты у нас такой весь намекающий, мистер Эвфемизм.

— О да, я такой, крошка, — преувеличенно двигаю я бровями.

— Это... разрушительно. Не делай так больше, — содрогается Гермиона. — Даже хуже, чем твой фальшивый английский акцент.

— Жаль. Но я заметил, что ты не отрицаешь полностью использование тобой женских уловок для достижения своих целей.

— Если бы у меня имелась хоть одна — а это не так — почему я не использовала их на тебе вместо Гарри?

— О! Для этого ты слишком коварна. Если ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь в чём твой дар, это будет не так забавно для тебя.

— Что-то я совсем запутался, — жалуется Гарри.

— Ты кажется уделил слишком много внимания моим сомнительным женским уловкам, — поднимает бровь Гермиона.

— Ах-ха! — широко скалюсь. — Вот и разговор с намёками!

— Что? Нет! Это не... Я не имела в виду...

Я издаю свой лучший злодейский хохот и говорю замогильным голосом.

— Да... да! Приди, о искусительница, в объятья своих женских уловок. И вскоре каждый муж в обители сей станет глиной в твоих изысканных ручках. — Мой злодейский смех становится ещё более злодейским.

— Что ты со мной сотворил? — горестно стонет Гермиона, пряча лицо в ладонях.

— Гермиона, ты не можешь быть злой, даже если попытаешься, — улыбается ей Гарри, покачивая головой на мои кривлянья.

Она поворачивает голову набок, разглядывая его одним глазом.

— Пробуешь возвратить мне мой психологический подход к тебе, Гарри?

— Может быть, — улыбается тот. — Нет, честно. В твоём теле нет ни одной злой косточки.

Она поднимает голову, благодарно ему улыбается и робко подталкивает его локтем.

— Пусть Гарри и разрушил серьёзностью всё моё веселье, но приходится согласиться. Любые действительно близкие к тебе люди не станут тёмными — ты им не позволишь.

— А как тогда объяснить тебя? — в её глазах мелькает весёлый огонёк.

— Ох-хо-хо! — восклицаю, и все мы смеёмся. — Ты признаёшь, что я близок к тебе?

— Ты сам знаешь, Уильям, что да, — с лёгким румянцем признаёт она. — Странно, если ты думаешь по-другому. Ты столько сделал для нас.

— Не знаю, что бы мы делали без тебя, дружище.

— О, вы бы кое-как справились, — говорю с понимающей ухмылкой, опять переросшей в полноценный оскал. — Я знал, что вы, ребята, признаетесь в любви ко мне. Вы не виноваты, а просто ничего не можете с этим поделать, так ведь?

— Р-р-ргх, тебя прямо-таки тянет испортить момент, — морщится Гермиона.

— Именно, это моё любимое занятие. Я же “Погубитель Моментов”.

— Самая удачная кличка из всех. Тебя описывает идеально, — коротко смеётся Гермиона. — А каково моё прозвище?

— Коварная Соблазнительница, — говорю без промедления.

— И как это я так? А ведь ни сном, ни духом, — шлёпает себя по лбу Гермиона.

— Знаешь, — говорит Гарри, — у тебя во лбу выемка под твою ладонь скоро будет.

— Вот интересно, и чья же в этом вина? — притворно гневится Гермиона.

— Этим постоянно занят... “Погубитель Моментов”! — анонсирую я голосом супергероя.

— Дружище, сэр то есть, я думаю все наши моменты основательно и несомненно погублены.

— Великолепно! Моя работа здесь завершена!

— Да, а тебе не положено сейчас искать чьи-нибудь ещё моменты, чтобы погубить? — то ли спрашивает, то ли предлагает Гермиона.

— О да! — Я осматриваю слизеринский стол и ловлю взглядом лицо Дафны через дальнее от Гермионы плечо Гарри. Сначала её глаза просто скользят по мне, и она замедленно реагирует на моё внимание. Я немного расстраиваюсь, что не посмотрел пораньше. Она поднимает лист пергамента, и я достаю свой вместе с пером. Не вижу её палочки, но передо мной теперь чистый лист как результат сработавшего обменного заклинания. Она пригибается, быстро пишет сообщение, и вот — листы обменялись снова.

Под её последней записью появляется новая тем же аккуратным почерком.

“После ужина? — Г”

Моя улыбка расплзается на всё лицо.

“Главная лестница около Большого зала, площадка седьмого этажа. Один на один? — Лернер”

Парой обменных заклинаний позже у меня есть ответ.

“Один на один. Десять минут. — Г”

— Мне всё это не нравится, — неуверенно говорит Гермиона. — А если это ловушка?

— Согласен, — присоединяется Гарри.

— Зачем им устраивать ловушку на меня? Им не нравишься ты, Гарри, — убеждаю я.

— Может это было и верно до того, как ты, по существу дела, оскорбил целую группу слизеринцев-четверокурсников, Уильям, — говорит Гермиона.

— Ох.

— Да, ох, — ворчит Гермиона, сложив руки на груди. — Не стоит тебе идти.

— А если так? Вы, ребята, берёте карту и следите за мной. Не убьют же они меня, а вы, если увидите их толпу, бегите за профессором. Я, возможно, и сам справлюсь, если будут только Малфой и его тролли. Но не стоит волноваться, если неподалёку зависнут приглядывать за её безопасностью пара друзей. По правде, я буду удивлён, если она не проявит такой предусмотрительности.

— Вроде бы она дружит с Трейси Дэвис и Блейзом Забини, — говорит Гермиона.

— Ну вот пожалуйста, если будут только они, то, уверен, со мной всё будет в порядке, — слегка насмешливо добавляю. — А если нет — инцендиос грата всегда при мне.

— Уильям Артур Лернер, не заставляй меня бить тебя дубиной через стол.

— Артур?

— Я не знаю твоего второго имени кроме инициала, поэтому предполагаю, — пожимает она плечами.

— Ладно, продолжай пробовать. Жду не дождусь, до чего ты договоришься.

* * *

— Не вздумай чего-нибудь отчудить, — приказывает холодный и удивительно глубокий женский голос.

Поднимаю голову к вершине последнего пролёта лестницы чтобы наткнуться на внимательный взгляд прищуренных глаз.

— Добрый вечер, мисс Гринграсс. Вы не возражаете, если я сначала зайду в коридор? Не желая в заколдованном состоянии свалиться с лестницы.

— Колдуна такое падение не убьёт, и я видела, как быстро ты ставишь щит.

— Тем не менее предпочту не испытывать судьбу, — я не держу магию наготове, поэтому она может ударить меня чем её душе будет угодно.

Она выскальзывает из поля зрения, а я добираюсь до верха. Боковым зрением вижу, что она всё ещё направляет палочку на меня. Но я на добрых полфута выше, и она теперь смотрится далеко не так грозно. Не поворачиваясь к ней, иду к окну Луны.

— Отсюда прекрасный вид, не правда ли?

— Зачем ты хочешь поговорить со мной? — игнорирует она мой светский вопрос.

Вздыхаю. Можно было догадаться, что “Лунный” подход не работает.

— Я видел твой взгляд около кабинета зельеварения. У тебя то ли не было значка, то ли ты его сняла. Поэтому мне захотелось пообщаться с тобой.

— Ты гриффиндорец.

— Только в Хогвартсе, — пожимаю плечами. — У нас не было деления в старой школе.

Она молча разглядывает меня. Успокоенная моей неподвижностью, она опускает, но не убирает палочку.

— Я говорила с отцом о тебе, — её голос слегка смягчается. — О... чём ты рассказал.

— Про чистоту крови?

— Да.

— К выводам пришла? — теперь спрашиваю уже я.

— Ты либо очень глуп, либо блистательно умён.

— Если вариантов только два, — смеюсь, — то я приму меры, чтобы ошибиться со стороной блеска.

— Значит, в этом случае глупость, — губы сжимаются, но перед этим успеваю заметить, как уголки приподнимаются в намёке на улыбку.

— Не желаешь ли прогуляться по коридору? На другой стороне замка сможем полюбоваться закатом. — Ноль реакции, но стоит добавить. — Можешь держать свою палочку наставленной на меня всё время. Но буду признателен, если ты не сделаешь мне больно.

Она кивает, и я опять улыбаюсь. Маленькие победы. Выталкиваю кусочек магии, создав муффлиато вокруг нас двоих. Поскольку вокруг нас нет внешнего шума, то и гул от работы заклинания заметно тише.

— Что это за звук? — тревожится Дафна и оглядывается вокруг в поисках источника.

— Это всего лишь мои слабенькие чары уединения. Не думаю, что тебе хочется быть подслушанной недружественными ушами. Но могу и убрать, если не нравятся.

— Я не видела, чтобы ты пользовался палочкой.

— Ну вот, мы только что встретились, мисс Гринграсс. Я не могу так запросто открыть тебе все свои тайны сразу. Так убрать чары?

Она молчит, решая вопрос доверия мне в мелочах.

— Не надо, это приемлемо, — а потом взгляд оживляется. — Ты использовал их на ужине, да? Поэтому Поттер с Грейнджер прекратили реагировать на остальных?

— Виновен по всем статьям, — хитро улыбаюсь. Продолжаем прогулку. — И что же твой отец рассказывал?

— Мой папа — замечательный человек, — начинает она после лёгкой паузы. — Моя семья не настолько богата, как Блэки, Лонгботтомы или даже Поттеры в своё время, хотя мы можем отследить своё происхождение далеко вглубь веков. Мы не как Малфои, кто женятся на каждой богатой семье, которую смогли заразить своими идеями их сыновья. Чтобы потом покупать влияние, замарывая продажных чиновников и губя честных. Но мы и не как Уизли, что отдают всё своё за возвышенные идеалы без гарантии успеха. В последней войне мы были нейтральны.

Она медлит, но я не возражаю, поэтому рассказ продолжается.

— Я ожидала услышать от тебя что-то очень гриффиндорское насчёт трусости, — говорит она и снова делает паузу. — Это трусость, если хочешь быть уверенным в безопасности своей семьи? Или своих детей? Думаю нет. Малфои могут выйти сухими из воды, но им стоило значительной части состояния избежать Азкабана. Гринграссы не могут позволить себе такой роскоши. Я не

говору, что мой отец присоединился бы, если бы был богаче. Но вот альтернатива — открыто присоединиться к Дамблдору и ему подобным — была бы только слегка менее разрушительна для дома и более опасна лично для членов семьи.

Эта часть мне не слишком понравилась, но я не хочу останавливать её.

— Но мой отец считает, что в следующий раз всё будет по-другому. Упивающиеся Смертью снова зашевелились. Кубок Мира был только началом, сказал он, они будут действовать отчаяннее. Поэтому, явный выбор стороны — либо глупость, либо мудрость.

Чувствую, что она “прекратила дозволенные речи”.

— Значит выступив против превосходства чистокровных, я предположительно выбрал сторону?

— Не предположительно, а точно. Даже не принимая во внимание противостояние отпрыску Малфоев, что тоже капитально ставит тебя по ту сторону. Мой отец сказал, что превосходство чистокровных — ерунда. Но будет глупостью не использовать дурость других нам на пользу.

— Очень по-слизерински с его стороны, — говорю со смешком.

— Он блистательный человек, — незатейливо отвечает она.

— Какой стыд, что так мало таких, как он, — честно говорю я. — Может тогда дураки бы поняли, что так самоназываемый Тёмный Лорд даже до полукровки с трудом дотягивает.

— Что? — Дафна захвачена врасплох. Это самая сильная её эмоция за всё время.

— Его отец, — мрачно усмехаюсь, — Том Риддл старший, был магглом до того как был убит Томом Риддлом младшим. Его мать, Меропа Мракс, с трудом отличалась от сквиба: она плод кровосмешения брата и сестры, чьи родители были также не далее чем кузены в никому не нужной семье Мраксов. — Не уверен точно, насколько близкими родственниками были магические предки Риддла, но примерно я прав. — Если помню точно, то сама Меропа была замужем за своим братом Морфином, но она напоила Риддла любовным зельем и изнасиловала его. А потом перестала поить в надежде, что он теперь её не бросит. Но Риддл тоже ублюдок был ещё тот, и бросил её беременную, так ни разу и не поинтересовавшись судьбой младенца. Милые родители, правда? Меропа умерла вскоре после рождения сына.

Глаза Дафны буквально вылезают из орбит по мере усвоения информации.

— Дамблдор. Он рассказал бы тебе, что это главная причина, почему Том Риддл младший свернул на путь зла. Он сказал бы, что Риддл никогда не знал любви, и поэтому вырос в монстра, которого мы знаем.

В любой другой момент я бы получил в ответ только насмешку, но она, по-видимому, очень потрясена, чтобы что-то сказать. Поэтому решаю продолжить и загрузить её ещё больше.

— Но его слова будут неправдой. Есть противоположный пример. Ты, возможно, слышала от своего декана, что Гарри — избалованный и испорченный ребёнок. Но самый смех в том, что он никогда таковым не был, разве что в первый год жизни до смерти родителей. Чего он, конечно же, не помнит. Его дядя и тётя заставляли его жить, отбывать наказания и спать в чуланчике под лестницей, где он мог вытянуться на полу только в силу своего слишком малого, может и от недоедания, роста. Ему позволили жить в комнатухе, забитой старым хламом с железными решётками на окнах и запорами снаружи на двери, только после того, как он пошёл в Хогвартс. Первый раз на его памяти обняла его Гермиона, после излечения от окаменения в конце второго курса.

Усмехаюсь на её всё ещё ошеломлённое выражение лица.

— Конечно же есть причина для использования мной чар уединения. Ожидаю, что понимаешь как опасна и ценна эта информация. О Риддле, конечно. Я представляю насколько мало слизеринцев готовы выслушать, а тем более поверить сведениям о жизни Гарри. И поэтому был бы признателен тебе, если бы ты её придержала в личном пользовании.

— Зачем ты мне всё это рассказал? — спрашивает наконец восстановившая самообладание Дафна, и это хороший вопрос. Ну что ж, солгу по обыкновению.

— Я поспорил с Гарри, что есть хорошие слизеринцы-чудаки.

— А в действительности почему? — чёрт, насквозь видит.

— Я и не собирался, — теперь честно, — просто симпровизировал.

— Ты и вправду не планировал? — фыркает она насмешливо, а потом рассматривает меня повнимательней. — Неудивительно, что тебя не отправили в Слизерин.

— Я виню тебя, — не обижаюсь я. — Вот так на меня действуют красотки.

Я и вправду вижу лёгкий румянец? Или это всего лишь плод моего воображения?

— Типичный гриффиндорец, сваливает вину на всех, кроме себя.

— Ты не проверила, говорю ли правду в этот раз, — усмехаюсь. И отрезая её негодующий ответ врубаю полный газ. — Кроме того, ну кому нужно напрягаться постоянно действовать исподтишка? Гораздо проще наводить тень на плетень в ясный день, а при разоблачении выдать голую правду.

— А так, выходит, не справишься?

— Не-а!

— Ты безнадежен.

— Мне хватает.

— Могу поспорить.

Хмыкаю на её слова и вижу, что мы наконец добрались до дальней стороны с видом на закат. Останавливаюсь у окна и смотрю наружу. Улыбаюсь, когда она делает то же самое. Минутку молчим.

— Итак, что ты думаешь?

— О чём?

— О моём ослепительном плане подружиться со слизеринкой? Работает?

— Как твои друзья могут разговаривать с тобой? — говорит она после скептического фырканья.

— В-основном, они лишь терпят меня, — ну никак не удаётся убрать с лица усмешку.

— Охотно верю. Обычно они выглядят, будто их разрывает между желаниями придушить тебя, побиться головами о стол или ржать над тобой, не переставая.

— Они совершают переходы удивительно быстро. Говорят, дар у меня такой.

— Уверена, что они имели в виду проклятье, — закатывает она глаза.

— Это держит их в тонусе. Плюс — они не слизеринцы и ничего не имеют против кусочка честности. — Щёлкаю языком на пришедшую мне в голову мысль. — Не слишком много честности, конечно, всего лишь кусочка.

— Нутром чую, что ты изрядно потоптался на границе.

— Только для своего удовольствия. Пару недель назад я немного резко указал, что Гарри и Гермиона любят друг друга.

— Что? То, что Пророк напечатал — действительно правда? — и ещё раз мне удаётся пробить её невозмутимый вид, и теперь я вынужден давить усмешку.

— Скорее всего так, если смотреть по номиналу. Знаешь, есть разные типы любви. Так вот, они пока не романтическая пара, если ты это имела в виду. А вот только что, этим вечером, я обратил их внимание, что они любят меня тоже. Им точно хотелось побиться головами об стол.

— Это... ты... Я не могу... Просто не знаю, что тебе сказать.

— Как я сказал — надо держать их в тонусе, — усмехаюсь на её лопотание.

— Со мной ты так разговаривать не будешь, — выдаёт она прямое указание.

— Конечно нет. Я не люблю тебя.

— Хорошо, — кивает она.

— ...пока.

— Почему я вообще говорю с тобой? — после полузадушенного всхлипа спрашивает Дафна.

— Вот я разговариваю потому, что ты интересна и привлекательна, может поможет?

— Не уверена, что интересный — правильное слово для тебя, — насмешка течёт ручьями из голоса.

— В таком случае вопрос остаётся открытым насчёт “привлекательный”, да?

Она издаёт мало отличающийся от фырканья звук и отрицательно мотает головой.

— Ладно, если что решишь, дай мне знать. Значит ищем нужную альтернативу для “интересный”. Возможно мне будет позволено предложить “обходительный”? В конце концов, я сбросил здоровенную информационную бомбу, а затем умудрился вывести тебя из равновесия настолько, что ты даже не спросила самого главного — откуда я всё это знаю?

Только слепой не заметит, как она потрясена. Есть прямое попадание!

— К-как ты узнал?

— Прямолинейность — это совсем не по-слизерински, мисс.

— Так ты всё наперёд продумал... — раскрытые в удивлении глаза сделали бы честь любой драматической постановке.

— ...но это не имеет большого значения, — завершаю я за неё, позволив тени самодовольства отразиться в моей улыбке.

— Ты... ты всё это спланировал? — ну вот, опять скепсис в голосе.

— Не-а, просто симпровизировал.

Она смотрит на меня несколько мгновений, а потом начинает тихонько смеяться себе под нос. Очень скоро она вся содрогается от смеха. В её исполнении он так прекрасен и заразителен, что я просто не могу не присоединиться к этому веселью.

— Это, — отсмеявшись и отдышавшись, говорит она, — самый нелепый, самый поучительный и самый разочаровывающий разговор в моей жизни.

— С удовольствием воспринял бы это как комплимент.

— Попробуй.

— Итак, можем ли мы обмениваться и дальше?

— Я считаю, что ни один достойный слизеринец не может позволить тебе ускользнуть, не выведав как можно большее количество твоих секретов, — говорит она после то ли вздоха, то ли рыка.

— Ох, а они не менее вкусные, — добавляю. Но после пары мгновений молчания смотрю на неё серьёзно. — Что если я приду со сложным вопросом? Таким, что для решения требуется гораздо больше хитрости, чем содержится во мне и моих бедных и жутко честных товарищах по Гриффиндору.

Она реагирует поднятием брови на моё изменение тона, а потом издаёт ещё один нетипичный для леди фыркающий звук.

— Ты добиваешься моего согласия встречаться почаще, а потом наваливаешь на меня такое вот условие? А поскольку ты — друг Поттера, то скорее всего это что-то гигантски глупое, например расстраивание планов очередного Тёмного Лорда или двух. Поверь мне, слышала я про такое, и как печально обычно всё заканчивается.

— О, уверен, что мы можем опустить этот пункт, если тебе не интересно, — предлагаю ей как можно более беззаботным тоном.

— В этом нет необходимости, Лернер, — ворчит она. — Размер ставок определяется важностью вызова. Кроме того, наше квазипатриархальное общество мне не слишком подходит, мне представляется, что сторона Поттера скорее что-то поменяет к лучшему. Я принимаю предложение, но моя вовлечённость остаётся в секрете, пока я сама не скажу.

— Конечно, мисс Гринграсс. Ещё я был бы рад, если бы ты называла меня Уильям.

Она сжимает губы и несколько мгновений кажется обдумывает свой ответ, потом вздыхает.

— Тогда ты можешь называть меня Дафной.

— Я рад, что ты пришла на встречу со мной, Дафна, — улыбаюсь я ей, и она слегка улыбается мне в ответ. — Должен сказать, что я испытал большое наслаждение от нашего свидания.

— Это было не свидание.

— Увы, приходится признать, что я уже ступил на путь очарования тобой.

— Замолчи сейчас же.

— Но почему? Ты же не можешь обвинять в этом меня, глядя этими потрясающе великолепными голубыми глазами на не менее прекрасном лице в обрамлении роскошных волос цвета воронова крыла.

— Не провоцируй меня, а то мы оба пожалеем об этой встрече, — направляет она палочку мне в лицо.

— Но у меня ещё целый ряд комплиментов наготове, и в этот раз они даже не про твою видимую красоту, — строю преувеличенно недовольную гримасу.

— Пока ты не будешь отпускать мне комплименты.

— Только пока? — на моём лице вспыхивает улыбка. — Значит ты...

— Всегда. Я имела в виду — всегда.

— Наверное с тебя достаточно мучений на сегодня, — продолжаю усмехаться. — Готовься к ещё более бесстыдному сообщничеству на наших следующих рандеву.

— Я заколдую тебя самым болезненным способом, который знаю, если попробуешь.

— Дафна, — делаю свой голос серьёзным опять. — Все шутки в сторону, но я рад, что ты пришла на встречу со мной. Ты не остановишь меня от комплиментов просто словами. Я с нетерпением жду нашей следующей встречи, а ты? — не мигая, смотрю ей в глаза. Отстранённо надеюсь, что смогу распознать легилименцию, но уверенности нет.

После нескольких мгновений она отводит взгляд с тяжким вздохом.

— Да уж, вряд ли мне по силам остановить тебя, тем более ты уже вошёл в вкус.

— Я совершенно честен. Было приятно встретиться с тобой, Дафна. — Я протягиваю руку, и, после лёгкой задержки, она осторожно пожимает её.

— Мне также... Уильям.

С озорством улыбнувшись, снимаю чары.

— Я бы проводил тебя до вашей гостиной, но твои друзья ждут за углом, — показываю большим пальцем за спину, где я заметил их подглядывание чуть раньше. Воспользовавшись её отвлечённостью, наклоняюсь и слегка прижимаю губы к тыльной стороне её ладони, а потом нежно отпускаю ей руку. — Поэтому я просто желаю тебе спокойной ночи, Дафна.

Направляюсь прочь с излучающей, как я надеюсь, уверенностью осанкой. Я очень доволен собой, когда поворачиваю за угол, так и не получив в спину чем-нибудь заковыристым.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360810>